

**«Człowiek w relacji do zwierząt, roślin i maszyn w kulturze»: v 2 т. /
Redaktor naukowy U. Tymenetska-Suchanek.
Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu
Śląskiego, 2014. Т. 1. 408 s.; Т. 2. 440 s.**

**(«Отношение человека к животным, растениям и машинам в культуре»: в 2 т. /
Научн. ред. Ю. Тыменецка-Суханек.
Катовице: Изд-во Силезского ун-та,
2014. Т. 1. 408 с.; Т. 2. 440 с.)**

В современной гуманитаристике особое внимание уделяется различным аспектам взаимоотношений человека и природы. Примером такого интереса является коллективная монография в двух томах, изданная Силезским университетом (г. Катовице, Польша), — «Отношение человека к животным, растениям и машинам в культуре» («Człowiek w relacji do zwierząt, roślin i maszyn w kulturze») под научной редакцией Ю. Тыменецкой-Суханек. Основная задача авторов монографии заключается в исследовании (со)существования человека с другими формами жизни (органической и неорганической) в аспектах пост- и трансгуманизма. Профессор Юстына Тыменецка-Суханек во вступительной статье перечисляет те дисциплины, в рамках которых ведутся исследования: «биология / экология, литературоведение (польское, романское, английское, итальянское, германское, славянское, русское), философия, культурология, медиевистика, право и даже история военного дела» (здесь и далее перевод мой. — О.Г.) (Т. 1, с. 12).

Первый том монографии «Аспекты постгуманизма и трансгуманизма» («Aspekt posthumanistyczny i transhumanistyczny») открывается разделом «Третья культура и новая парадигма: био-логичность в гуманитарных науках» («Trzecia kultura i nowy paradygmat: bio-logiczność w humanistyce»). В статьях, представляющих этот раздел, авторы формулируют вопросы, ответы на которые различным наукам ещё предстоит найти. Так, П. Скубала отмечает, что пришло время «для дальнейшего расширения наших моральных обязательств перед другими видами животного мира» (Т. 1, с. 29). Другой исследователь, Я. Лейман, считает, что «субъектность принадлежит не только человеку», но «она также не может быть отнесена ко всем животным», т. е. «необходимо

подумать о понятиях, которые делят наше отношение к животным на старое и новое, видовую дискриминацию и недискриминацию» (Т. 1, с. 59). Эта позиция близка и автору другой статьи Д. Лишевски: «Человек не является уже единственным “мерилом всего”, а скорее обыкновенным, одним из многих обитающих на этой планете видов живых и сознательных существ» (Т. 1, с. 75).

Во втором разделе «Философские теории и системы» («Teorie i systemy filozoficzne») рассматриваются концепции Д. Агамбена (М. Ожуг, Л. Колочек, М. Червински), Ю. Баньки (П. Неродка); в поле внимания исследователей попадают и направления расширения рамок этики в концепции Р. Брайдоу (М. Ожуг) и в онтоцентризме (Д. Дзвонковска).

Третий раздел — «В кругу литературных воображений» («W kręgu literackich wyobrażeń») — посвящён анализу различных художественных произведений с точки зрения образов животных, которые в них представлены. И. Осташевска, обращаясь к повести А. и Б. Стругацких «Волны гасят ветер» (статья на русском языке), рассматривает развитие взаимоотношений человека и техники и отмечает тенденцию: «В последнее время появился ряд произведений, освещающих разные аспекты трансгуманизма: самосовершенствование, киборгизация, перенос сознания, искусственный интеллект, нанотехнология, технологическая сингулярность, крионика, радикальное продление жизни или даже физическое бессмертие» (Т. 1, с. 178). А.И. Смирнова (статья также представлена на русском языке), обращаясь к идее зооцентризма в русской натурфилософской прозе 1960–1980-х годов, отмечает актуальность этой идеи, явившейся своеобразной попыткой писателей «повлиять на сложившуюся в мире ситуацию, связанную с научно-техническим прогрессом и его последствиями» (Т. 1, с. 194). Идея зооцентризма реализуется в художественных текстах различными способами: «через обращение к образу священного животного — тотемического “первопредка”, через выявление традиционных прочных связей с домашними животными и процесса утраты этих связей; через реализацию оппозиции “человек – животное” для предостережения экологической и духовной катастрофы» (Т. 1, с. 194–195). Исследователь К. Гадомска, рассматривая франкоязычную фантастическую литературу, заключает: «Популярные фантастические мотивы (например, мотив вурдалака, фантастического чудовища, андроида) являются носителями пост- и трансгуманного видения человечества», и «преступление гуманных границ приводит к страданию, упадку главного героя или лиц, связанных с ним» (Т. 1, с. 192). Другие статьи раздела посвящены произведениям В. Клинкаборга и Ч. Сибберта (М. Рутковска), Л. Петрушевской (И. Грень-Кулеша), Н. Садур (М. Недзеля-Яник), В. Пелевина (А. Поляк), О. Токарчук (В. Гурска), Н. Амманити (Б. Корнацка), С. Черняка (М. Михальска-Суханек), Х. Кайзара (К. Шумлас). Раздел завершает статья В. Висьневска «Постгуманизм — утопия литературы? Проблема присутствия / отсутствия постгуманистической и трансгуманистической перспективы в польских исследованиях литературы», в которой отмечен свойственный и российской литературоведческой науке парадокс: «В то время как перспектива пост- и трансгуманизма охватила уже самые новые области визуального искусства, биоарта

и кинематографа, она кажется чересчур новым взглядом на литературу, чтобы ему уделяли больше внимания» (Т. 1, с. 321). Для преодоления этого противоречия В. Висьневска проводит «сопоставление основных предпосылок и способов понимания пост- и трансгуманизма (Харавай, Хайлес, Бакке, Криштофек, Ильницки) с понятийным аппаратом, используемым в литературной критике, а также с самой литературой» (Т. 1, с. 322).

Статьи завершающего первый том раздела «Между искусством и поп-культурой» («Między sztuką a kulturą popularną») рассматривают феминистскую реконструкцию женского в творчестве таких художниц, как Агнешка Нерацка и Моника Жулкость, истоки культурного интереса к образу «чудовища» (К. Зданович-Цыганяк), проблемы идентификации «киберсубъекта, рождённого из генов и битов» (Т. 1, с. 371) и функционирующего в киберпространстве (Б. Клода-Станецко), а также исследованию общественного восприятия биоэтических дискуссий в таких областях искусства, как био-арт и спесимен-арт (А. Денсол). Интересна статья Р.В. Ключински, обратившегося к проблеме гибридизации искусства и развития отношений между искусством и наукой: «Какую существенную функцию выполняет исследуемая тенденция в формировании постгуманной эстетики» (Т. 1, с. 361).

Второй том монографии, «От гуманизма до постгуманизма» («Od humanizmu do posthumanizmu»), открывается разделом «Между мифологией и фольклором» («Między mitologią a folklorem»), содержащим две статьи (первая из них на русском языке). И. Швед, говоря о необходимости «пересмотра традиционных дихотомий живое — неживое, разумное — неразумное, человеческое — не-человеческое» (Т. 2, с. 15–16), высказывает предположение: «Не резонирует ли постгуманизм с древними мировоззренческими традициями, которые в том либо ином аспекте отвечают его собственным установкам и могут в некоторой мере быть востребованными при выработке нового миропонимания...?» (Т. 2, с. 16). Автор статьи делает вывод о том, что «человек, выделившись из природы как носитель культурного начала, скорее отождествлял себя с её представителями, чем противопоставлял им» (Т. 2, с. 29), и выражает уверенность в актуальности и необходимости этих идей, которые «прольют новый, возможно, неприглядный, свет на образ трансгуманистического человека — вооружившегося гуманотехнологиями соперника Природы» (Т. 2, с. 31). В другой статье О. Келяк рассматривает ритуалы, связанные с коровой, опираясь на классификацию А. Энгелькинг: «создающие (когда человек хочет, чтобы что-то случилось), охраняющие (когда человек хочет, чтобы что-то не случилось) и “возвращающие” (когда человек хочет, чтобы что-то “вернулось в исходное состояние”）」 (курсив автора. — О.Г.) (Т. 2, с. 46).

Во втором разделе тома «(Не)органические многообразные формы бытия в литературном пейзаже» («W literackim krajobrazie (nie)organicznych bytów wielorakich») представлены исследования творчества как западных (польских, английских), так и русских прозаиков и поэтов. В качестве иллюстрации перечислим имена писателей, оказавшихся в поле зрения авторов статей: Ф. Кафка

(П. Пасека «Бестиарий Франца Кафки»), Б. Шульц (Д. Антоник «Животные Бруно Шульца. К неисчислимым измерениям существования»), Э. Монтале (П. Малицка «В поэтическом зоопарке Эудженио Монтале»), В. Мысливски (Я. Вах «Сосуществование людей и животных в эпике Веслава Мысливского — анализ межвидовых связей»), В. Консоло (А. Хмель «Свидетельство одного малаколога. Фигура улитки в романе Винченцо Консоло»), А. Стасюк (М. Домбровска-Чох «На пути в Rășinari»), Х. Посвятовской (Г. Петрушевска-Кобеля «Постгуманная поэзия Посвятовской»), а также драматические произведения XX и XXI веков (М. Блащак «Драматические творения “квазичеловеческие”»).

Отдельно остановимся на статьях, посвящённых русской литературе и культуре. Например, Б. Пуделко (статья на английском языке) сопоставляет один из романов английского писателя Д. Конрада с «Записками охотника» И.С. Тургенева, творчество которого Конрад прекрасно знал и высоко ценил. Основанием для сравнения становится образ птицы, которой английский писатель уподобляет корабль: «Корабль у Конрада, как тургеневская птица в бескрайнем небе, свободен, если может вольно плыть по спокойному морю, имея над собой ясное небо» (Т. 2, с. 61). М.И. Зелиньска в статье «Человек – лес – животное в повести-сказке Бориса Сергуненкова “Лесная лошадь”» отмечает, что предложенная автором «интерпретация мира природы не только актуальна сегодня, но и антиципирует идеи постгуманизма» (Т. 2, с. 131). А.Н. Вильк, рассматривая повесть А. Старобинец «Переходный возраст», отмечает, что «природа способна использовать персонажей повести для собственных целей, а животные играют совершенно другую роль, чем та, которую приписывает им человеческая культура» (Т. 2, с. 249). Исследователь К. Арцишевска обращается к произведениям А. Белянина, О. Дивова, С. Лукьяненко, В. Пелевина и приходит к выводу, что «литературный мотив оборотня символизирует позицию и значение человека в современном мире, символически отражает изолированность и одиночество человека среди людей» (Т. 2, с. 216). В статье О. Гаврилиной «“Освоение” мира машин в русской женской прозе конца XX века» анализируются произведения С. Василенко, Т. Набатниковой и И. Полянской, выявляются четыре функции использования образа машин: связь с социальной проблематикой, «с символикой смерти (трамвай, поезд, электричка)» (Т. 2, с. 218); в качестве детали, характеризующей «мужской мир», наконец, как образ, раскрывающий тему насилия, эмоциональной и физической зависимости, а также женской свободы. М. Жечицка в статье «Минерал – растение – животное – человек. Спираль “космической эволюции” в русской эзотерической периодике начала XX века» рассматривает теорию «нового человека», а также отмечает, что «вегетарианство, инспирированное духовной наукой, становится популярным в среде русских символистов» (Т. 2, с. 70).

В третьем разделе «О пересечении антропоцентричных границ в философии» («O przekraczaniu antropocentrycznych granic w filozofii») исследователи

обращаются к концепциям различных философов: М. Бубера (А. Клоциньска), М.Н. Эпштейна (К. Кропачевски), Э. Чорана (К. Рыбинска), Д. Харауэя (Ю. Шолленбергер, И. Фронцковяк), а также Й. Брах-Чаины (М. Каспajak).

Четвертый раздел монографии «Искусство вокруг» («Wokół sztuki») объединил разнородные по объекту исследования статьи. К примеру, П. Марцинкевич прослеживает динамику образа животных в живописи и визуальном искусстве, отмечая, что с течением времени стремление изображать животное как аллегория человека или лишь домашних животных в бытовых ситуациях сменяется интересом модернизма к животному, входящему в «тревожные отношения с человеком» (Т. 2, с. 360). Э. Шкудлярек вслед за писателем С.И. Виткевичем задаётся вопросом, «в чём заключается и чем отличается тайна существования целого ряда отдельных существ» (Т. 2, с. 375). М. Лишевска, рассматривая кинообразы искусственных людей, приходит к выводу: «Все они могут быть признаны телесными воплощениями страха перед стихийным развитием техники и биологических технологий, а также перед лицом других угроз, связанных, например, с контактом с иными формами жизни, с чужими, с потерей человечности, а также с тем, что условно называется звериной стороной человеческой природы» (Т. 2, с. 386). Важной в практическом отношении представляется статья Э. Вальонг, в которой в соответствии с основными направлениями переосмысления роли человека в литературе, искусстве и философии предлагается во многом пересмотреть содержание школьного образования. Автор не оставляет без внимания «связь между постгуманизмом и современным феминизмом, учитывая прежде всего экофеминистскую перспективу (эксплорация мира женщин и природы мужчинами) и киберфеминистскую (женщина в виртуальном пространстве)» (Т. 2, с. 397).

Завершают второй том монографии два раздела: «Новые вопросы в сфере права» («Nowe zagadnienia z zakresu prawa»), в который вошла статья К. Музыки «Схема закона относительно искусственного интеллекта и эмулированных людей», и «Животные в военной истории в послевоенном осмыслении» («Zwierzęta w powojennej historii wojskowości»), представленный статьёй И. Бенецки «Временная нужда или высшая необходимость? Дрессировка и использование служебных собак для охраны границ в 1945–1990 гг. на материале документов пограничных войск».

Знакомство со статьями двухтомника даёт основание говорить о полноте и многогранности охвата материала. Нельзя не отметить интерес польских исследователей к русской литературе и культуре. Выразим надежду, что предложенные направления найдут своё отражение и развитие не только в польских, но и российских исследованиях, а также станут основой многогранного и плодотворного сотрудничества.

О.В. Гаврилина